

ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРОЛОГИИ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОГО РЕЧЕВЕДЕНИЯ

Потанов В.В.

В настоящей статье рассматривается функционирование оппозиции «мужественность» – «женственность» на различных уровнях комплексной интегративной структуры речевого продукта, с позиций различных дисциплин, входящих в сферу современного речеведения. Приведены результаты многочисленных теоретических и экспериментальных исследований на материале русского, немецкого и других языков. Показана взаимосвязь между лингвистическими, паралингвистическими и экстралингвистическими (в частности – культурологическими) явлениями, реализующими данную оппозицию.

● гендерология ● речеведение ● лингвистика ● паралингвистика ● междисциплинарные исследования

The article deals with the opposition “masculine – feminine” manifesting itself on different levels of complex integrative structure of the speech product. A variety of aspects of the problem viewed from the perspectives of different disciplines constituting the domain of modern speech science are considered. Results of numerous theoretical and experimental studies involving Russian, German and other languages are presented. Interconnections existing between linguistic, paralinguistic and extralinguistic (including culturological) phenomena implementing the abovementioned opposition are outlined

● gender studies ● speechology ● linguistics ● paralinguistics ● cross-disciplinary studies

Природная обусловленность гендерных различий в звучащей речи

При обращении к проблеме взаимоотношений языка и гендера важным направлением исследований предстаёт выявление возможных различий с учётом языковых уровней: фонетического, морфологического, синтаксического и семантического, а также когнитивное объяснение выявлен-

ных признаков [Потапов, 2002а; Ищенко, Шаврина, 2004]. В этом случае важным оказывается установление связи с различными аспектами картины мира.

Дифференциация вербальной специфики в зависимости от пола говорящего (пишущего) проявляется в различных языках в целом и на языковых уровнях в частности по-разному. Чаще всего различия наиболее ярко выражены в лексике, в меньшей степени – в синтаксисе. Но существуют языки, где эти различия охватывают и фонологическую систему (например, японский язык). На гендерные различия в русском языке ранее указывал еще Р.И. Аванесов [Аванесов, 1984].

Необходимость изучения фонетических характеристик русской речи, реализованной мужскими и женскими голосами, определяется в настоящее время также практическими потребностями общества и прежде всего необходимостью разработки систем автоматического распознавания и синтеза звучащей речи, что имеет большое прикладное значение. Известно, например, что почти во всех экспериментах по распознаванию речи результаты работы системы были значительно лучше для операторов-мужчин, чем для операторов-женщин. По-прежнему актуальной остаётся проблема автоматического синтеза звучащей речи по тексту с тембральным звучанием женского голоса, хотя, как известно, проблема автоматического синтеза звучащей речи по тексту с характеристиками мужского голоса может быть признана на сегодняшний день в целом уже решённой [Кучеров, Лобанов, 1983]. Необходимость создания автоматического синтеза женского голоса объясняется, в частности, большей помехоустойчивостью женского голоса по сравнению с мужским в низкочастотных шумах каналов связи. Кроме того, в некоторых изысканиях по восприятию речи обнаруживается зависимость результатов понимания и запоминания слушателями передаваемой речевой информации от тембра голоса говорящего, в частности, от мужского или женского качества голоса, что также свидетельствует об актуальности изучения специфики женского голоса в прикладном аспекте [Гусейнов, 1986]. Актуальность данной проблемы обусловлена и собственно теоретическим интересом, поскольку наиболее изученными на сегодняшний день являются мужские голоса. Что же касается специфики женского голоса, то на слуховом уровне он воспринимается в целом как более высокий по сравнению с мужскими голосами. Теоретическое объяснение этому даётся исходя из того, что голосовые связки, как правило, у мужчин длиннее и толще, чем у женщин, а длина вокального тракта у женщин меньше. На материале русской речи статистически установлено, что мужчины говорят, как правило, в пределах большой и малой октав на частоте 85–200 Гц, а женщины – в пределах малой и первой октав (160–340 Гц) [Мартынов, 1962].

Статистические исследования частоты основного тона (ЧОТ) мужчин и женщин для немецкой речи [Künzel, 1987] позволили установить следующее: средние значения ЧОТ для мужчин в возрасте от 20 до 80 лет равны 110–130 Гц, а средние значения ЧОТ у женщин в тех же возрастных границах – 200–230 Гц. Кроме того, было установлено, что у мужчин с увеличением возраста средний основной тон практически не изменяется, в то время как у женщин прослеживается тенденция к понижению ЧОТ¹.

Таким образом, мужские и женские голоса различаются тем, что среднее значение ЧОТ у женщин, как правило, в два раза выше, чем у мужчин. Все резонансные частоты звуков женской речи на спектрально-временной картине сдвинуты по сравнению с соответствующими мужскими вверх по оси частот в среднем на 17–20% [Fant,

¹ Когда абсолютная величина значений ЧОТ в русской речи и у мужчин, и у женщин совпадает, правильность опознавания аудитором пола говорящего достаточно высока – около 90% [Златоустова, Крейчи, 2003].

1970]. В этом же направлении продолжают и последующие исследования акустической дифференциации мужских и женских голосов [Karlsson, 1992].

В то же время получены данные, согласно которым диапазон основного тона голоса не является сугубо врождённым свойством голосового аппарата человека, так как может приобретаться и изменяться в процессе индивидуальной жизни в результате постоянных упражнений [Морозов, 1967]. Ребёнок, только что родившись, имеет крайне узкий мелодический диапазон (в один полутоном или тон), к 5 годам – уже 4–6 тонов, а в возрасте около 12 лет, когда мальчики поют, например, в хоре, их мелодический диапазон может составлять около полутора октав.

Различия между мужскими и женскими голосами могут быть обнаружены как на сегментном (звуковом), так и супraseгментном (просодическом) уровнях звучащей речи. Наиболее информативными на сегментном уровне считаются гласные звуки, на просодическом – интенсивность и ЧОТ. В процессе изучения акустических характеристик, определяющих женское звучание речи, и того факта, что тембральная специфика голоса определяется в основном на участках гласных звуков, исследователи сосредотачивают своё внимание в первую очередь на анализе гласных звуков. В большинстве работ параметру ЧОТ отводится роль весьма существенного или даже главного фактора в формировании специфики мужского и женского голосов.

При прочтении тестового материала с одинаковой для мужчин и женщин ЧОТ (140 Гц) правильность опознавания мужских высоких и женских низких голосов на уровне слухового восприятия составляет 99,7%. Это даёт возможность утверждать, что в условиях уравнивания для мужских и женских голосов величины ЧОТ решающее значение для определения пола говорящего имеют характеристики речевого тракта, которые отражаются в спектрально-динамической картине гласных звуков. Можно констатировать также факт выявления акустических параметров, постоянно отличающих мужские и женские голоса. Звуки [a], [o], [y] характеризуются большей степенью компактности для женского голоса, чем для мужского, что находит своё отражение в тенденции к слиянию первой и второй формант для женского голоса. Звуки [и], [ы], [е] характеризуются большей степенью диффузности для женских голосов по сравнению с мужскими, что находит отражение в большей межформантной области для первой и второй формант. При этом передние гласные в реализации женских голосов имеют тенденцию к реализации второй, третьей и четвёртой формант в виде единой компактной области резонансных частот, что не типично для мужских голосов. Женские голоса характеризуются более высокими значениями энергетических максимумов третьей и четвёртой формант по сравнению с мужскими, при этом область максимальной энергии спектра расположена для женских голосов в более высокой области частот, чем для мужских. Женские и мужские голоса различаются разными характеристиками «речевого вибрата» – частотно-амплитудной модуляции в спектре гласных звуков. Удаление из спектра мужского голоса полосы резонансных частот в пределах от 100 до 500 Гц приводит к восприятию его как женского. Делается предположение, что именно максимальная энергия, локализованная в низкочастотной области от 100 до 500 Гц, является признаком принятия решения о типе голоса. Однако тот факт, что речевой сигнал мужского голоса с удалённой полосой частот от 100

Гц до 500 Гц воспринимается всё же как «не очень естественный» женский голос, а также факты, говорящие о возможности распознавания пола диктора лишь по характеристикам спектрально-динамической картины гласных звуков и по отдельно взятой ЧОТ, позволяют сделать вывод о том, что особое, ярко женское звучание голоса создаётся функционированием не одного, а ряда параметров – таких, как ЧОТ, формантная структура спектра звука (F_n-структура), амплитудные характеристики, «речевое вибрато» – имеющих значения, свойственные именно женскому голосу. При распознавании речи более правильным представляется отнесение голоса того или иного диктора к классу мужских или женских голосов, основанное не столько на значении ЧОТ, которая весьма вариативна, сколько на совокупности тембральных характеристик голоса.

Следует упомянуть и тенденцию к различению речи мужчин и женщин в русской речи по составляющим темпа: для женщин характерны большее среднезвуковое время, но меньшая средняя длительность паузы, по сравнению с речью мужчин [Златоустова, 2004].

В связи с прикладными задачами экспертной фоноскопии [Потапова, 2000б] при проведении криминалистической экспертизы и определении «портрета говорящего» наряду с установлением диалекта, социолекта и идиолекта следует принимать во внимание такие понятийные компоненты, как: базовый сексолект (применительно к принадлежности к исходному физиологическому (биологическому) полу, что характеризуется набором специфических речевых (артикуляционных, перцептивных и акустических) коррелятов); производный сексолект (применительно к имитируемому полу), полученный с помощью специальных программных и аппаратно-программных средств (техническая имитация), путём естественного подражания (ситуативно обусловленная естественная имитация), посредством фактуальной физиологической переориентации (изменение пола вследствие наличия, например, дисфории гендера).

В связи с этим особый интерес вызывает проблема соотношения транссексуальности и голоса. Под транссексуалом в психиатрии понимают индивидуум, характеризующийся наличием несоответствия между фактическим (биологическим) полом и гендером (например, при наличии биологического мужского пола ощущение и восприятие себя как женщины и наоборот). В этих случаях специалисты приводят формулу: «Я, будучи мужчиной, являюсь женщиной» [Springer, 1981].

Феномен транссексуальности всё более активно обсуждается в прессе, на радио и телевидении. Наряду с этим появляются научные публикации немецких исследователей [Springer 1981; Martin, Klingholz, Eicher, 1984; Keil, 1994 и др.], в которых данная проблема освещается с позиций медицины (сексопатии, сексопатологии, фониатрии, хирургии и т.д.), социологии и психологии.

Гендерные аспекты в изучении русской речи

Исследования фонетических характеристик русской речи позволили в некоторой степени выявить наиболее информативные для характеристики пола говорящего звуковые и просодические средства (см., например, Потапов, 2002б; 2002в). На звуковом уровне обращают на себя внимание следующие различия на материале московской речи [Земская, Китайгородская, Розанова, 1987; 1993].

В области вокализма отмечен ряд особенностей в тембральной окраске гласных, связанных с тем, что для многих мужчин характерен меньший раствор рта при артикуляции звуков, чем для женщин. Это приводит к образованию более «узких» гласных, менее богатых по тембру. Практически все гласные [а], [о], [у], [и], [э] в любой безударной позиции в слове могут реализоваться гласными типа [ъ] после твёрдых согласных или [ь] после мягких.

В женской речи в позиции первого предударного слога после твёрдых согласных на месте [a], [o] часто возможно произнесение широкого открытого [a:], длительность которого равна ударному или превышает его: [*рѣска:заль*] (растяжка первого предударного [a]). Раньше эта особенность характеризовала старомосковское произношение. В современном произношении мужчин в этой же позиции встречается часто гласный более узкий, приближающийся по тембру к [ъ]. Ср., например, такие реализации мужчин-москвичей, носителей литературной нормы, как: [*рѣзгавѳоры*], [*павѳодѳ*]. Эти особенности определяют различия в ритмике слова. Наряду с общелитературной моделью тѳатѳа в современном литературном произношении встречаются две другие модели: *тѳа:тѳа* и *тѳаѳтѳа*. Если первая особенно частотна в женской речи, то вторая более широко распространена в произношении мужчин. Распространѳенность «растяжки» предударного [a] в современном произношении женщин – это следствие перераспределения старых произносительных вариантов по другим социальным признакам. Старомосковская «растяжка» [a] наблюдается и в речи коренных жительниц Петербурга.

Для произношения женщин характерна бѳльшая дифтонгизация ударных [o] и [э]. Неоднородность этих гласных особенно заметна, если на них падает фразовое ударение: «*Нас в санат[уб]рий отправляют, А на [л'иэ]то куда собираетесь?*» В этих же фразовых условиях в мужской речи обычно произносятся более однородные гласные.

В области консонантизма отмечается общая тенденция, свойственная мужскому произношению: меньшая степень напряжѳенности артикуляции согласных. Эта тенденция обусловила распространение следующих особенностей женской и мужской речи: во-первых, в женской речи наблюдается аффрикатизация [т'], [д'] (цеканье-дзеканье), что менее характерно для мужской речи, во-вторых, меньшая степень напряжѳенности согласных в произношении мужчин обусловила ряд звуковых изменений в потоке речи, более частотных у мужчин: ослабление смычки у согласных (ленизация) – [*н*]очему, [ѳ]авайте, [ш']еловек; озвончение согласных (ассимиляция по звонкости под действием соседних гласных и сонантов) – [*пѳаѳмѳиштѳ*]. Данная особенность наиболее ярко проявляется в заударной части слова в слабой фразовой позиции. Обнаруживается также бѳльшая консонантная насыщенность мужской речи, обусловленная тем, что для мужчин характерны более сильные модификации гласных в потоке речи, их количественная и качественная редукция, выпадение гласных.

Таким образом, сопоставление сегментных (звуковых) характеристик московской речи мужчин и женщин показало наличие следующей основной тенденции: особенности произношения женщин наиболее ярко реализуются в сфере вокализма, а мужчин – в сфере консонантизма.

Рассмотренное противопоставление тесно связано с просодическими различиями женской и мужской речи. При акцентном выделении слов во фразе выявлены различия в их фонетическом оформлении. В женской речи широко представлена «растяжка» ударного гласного. Причѳем этот способ акцентного выделения обнаруживается в разных жанрах устной речи. В мужской речи в акцентно выделенных словах шире используется «растяжка» согласного. Широкое использование «растяжки» ударных гласных создаѳет условия для более полной реализации мелодики на этих гласных. При выражении несогласия в отрицательном ответе норматив-

ным является использование сочетания падающего тона или положительного акцента с модуляцией: «Это Вәня приехал?». В женской речи модулированные тоны и акценты выражены особенно рельефно за счёт удлинения гласного. Модуляция голоса при «растяжке» гласного широко используется женщинами и в других речевых ситуациях, например, в рекламе [Кодзасов, 2000], при обращении к детям или животным.

Для выражения многих значений женщины чаще используют интонационные средства, в то время как мужчины в этих же речевых ситуациях обычно прибегают к средствам лексики и грамматики. Например, в женской речи широко распространены оценочные высказывания типа: «Он та-акой симпатичный! Она та-акая противная!», имеющие специфическое просодическое оформление (положительный акцент на слове «такой», часто сочетающийся с «растяжкой» предударного гласного и восходящим тоном на этом гласном и восходящим тоном на оценочном прилагательном). Мужчины для выражения экспрессивной оценки чаще используют лексические средства (отличный, отлично, здорово и т.д.). Оттенки интонационных рисунков, используемых женщинами, очень богаты. В дополнение к упоминавшимся выше «растяжкам» гласных и мелодическим модуляциям женщины для выражения различных эмоционально-экспрессивных значений используют смену регистров (например, для достижения большего эмоционального эффекта используется приём регистрового контраста). Сопоставление регистров связывают с сопоставлением оценочных характеристик явления или предмета. При этом высокий регистр обычно выражает положительную оценку, низкий – отрицательную.

Женщины в своей речи широко используют такие просодические средства, как придыхание, лабиализация, назализация. Эти средства обычно передают различные оттенки эмоционального состояния, отношение к излагаемому материалу, партнеру по коммуникации, ситуации и т.д.

Женщины в большей степени, чем мужчины, в процессе передачи различных эмоциональных состояний применяют разнообразные средства фразовой просодии. Мужчины чаще прибегают в этих случаях к лексико-грамматическим средствам. Лингвисты, например, отмечают в области просодии английской мужской и женской речи «неспособность» мужчин выражать разнообразные эмоции, главным образом положительные, голосовыми средствами, что относится также и к русской речи. Следовательно, женской эмоциональной речи свойственна в большей степени просодическая экспрессия, тогда как для мужской эмоциональной речи более характерна лексическая экспрессия.

Следует подчеркнуть, что большинство исследований русского языка в области гендерологии проводятся, как правило, на материале кодифицированной речи москвичей и петербуржцев. В связи с этим одна из важнейших сторон гендерной проблемы (проявление различных диалектных и просторечных фонетических особенностей речи женщин и мужчин – носителей региональных вариантов литературного языка) остаётся за их пределами.

В последнее время была предпринята попытка определить различия в реализации фонетических особенностей речи женщин и мужчин, например, в пермском региональном варианте литературного языка [Ерофеева, 2000], который характеризуется на фонетическом уровне присутствием различных особенностей, присущих севернорусским говорам и общерусскому просторечию.

Установлено, что произносительные особенности в речи женщин и мужчин являются одинаковыми, однако частота их функционирования в речи женщин и мужчин в некоторых случаях различна. В целом в речи мужчин встречается в среднем больше специфических, не соответствующих орфоэпической норме реализаций звуков, чем

у женщин. Несмотря на то, что разница эта незначительна, она, тем не менее, достаточно устойчива. Данный факт еще раз подтверждает существующий в западной лингвистической гендерологии тезис о большей нормативности женской речи по сравнению с мужской [Eakins B., Eakins R. 1978; Language, gender & society, 1989; Wardhaugh, 1986].

Наиболее яркие различия женской и мужской речи на сегментном уровне следующие [Ерофеева, 2000]: чрезмерная качественная редукция гласных по подъёму и упрощение конечной группы согласных [s't'] чаще встречается у мужчин; смягчение конечного согласного предыдущего слова перед словом, начинающимся с и, и смягчение [ž] и [š] чаще встречаются у женщин.

Особенности мужской речи исследователи относят скорее к просторечным явлениям, а особенности женской речи – к диалектным. Частота всех произносительных особенностей, имеющих просторечное происхождение и возникающих вследствие экономии усилий при артикуляции, хотя и незначительно, но регулярно выше в речи мужчин.

В то время, как на материале московской речи особенности произношения женщин наиболее ярко проявляются применительно к вокализму, а мужского – консонантизму [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993], на материале диалектной речи в речи мужчин более частотны вокалические изменения, консонантные же встречаются в речи и женщин, и мужчин почти в равной степени [Ерофеева, 2000].

Как указывалось ранее, правомерен взгляд на женщину как на хранительницу речевых традиций говора для сельской местности. Напротив, в крупных городах, расположенных на диалектных территориях современного русского языка, речь женщин ближе к нормативной. Данный факт связывают с тем, что женщина по сравнению с мужчиной стремится ориентироваться на языковую норму. При этом ей присущ и определенный консерватизм в тех регионах, где существует твёрдая «старшая норма» (старое столичное произношение или норма архаического слоя диалекта). Женщина по ряду наблюдений придерживается именно этой нормы. В российских городах, где существует определённое диалектное влияние на литературный язык и нет старых произносительных традиций, женщина стремится овладеть современной нормой произношения.

Следовательно, в рамках фонетической гендерологии одним из приоритетных научных направлений является разработка социолингвистической дихотомии на материале русского языка литературный язык ~ диалекты.

Гендерные аспекты в изучении немецкой речи

Затрагивая гендерные аспекты фонетического уровня немецкого языка, необходимо отметить, что их изучение началось сравнительно недавно, например, исследования Й. Непперта [Neppert, 1999], М. Петурссона [Petursson, Neppert, 1996], Б. Помпино-Маршалла [Pompino-Marschall, 1995]. Фонетические характеристики голоса рассматриваются с учётом биологических факторов, таких, например, как длина и толщина голосовых связок. Вследствие этого многие специфические для данного пола различия голоса в большинстве случаев соотносятся с анатомическими особенностями. Однако известно, что существуют некоторые особенности голоса, которые приобретаются в течение жизни [Albert, Faschingbauer, Heilmann 1999].

Согласно исследованию [Albert, Faschingbauer, Heilmann, 1999] удалось определить различия по ЧОТ у женщин в зависимости от их роста. Результаты исследования показали, что в противоположность сложившимся стереотипам у женщин более высокого роста наблюдается большая ЧОТ (голос звучит выше), что противоречит утвердившемуся представлению, согласно которому женщины меньшего роста имеют более высокий голос по сравнению с голосом высоких женщин.

У мужчин анализ ЧОТ не выявил каких-либо различий: среднее значение ЧОТ равнялось 250 Гц. Столь высокое для мужского голоса значение ЧОТ объясняется ситуацией, в которой были проведены эксперименты: мужчинам и женщинам было предложено прочитать короткий текст. В ситуациях при прочтении текста обычно ЧОТ более высокая, чем в разговорной речи.

Как указывалось выше, интенсивность вибрации голосовых связок зависит от их длины и толщины. Человек с более длинными и толстыми голосовыми связками имеет более низкий голос, в то время как человек с тонкими и короткими голосовыми связками обладает более высоким голосом. Предполагается, что люди с большей массой тела имеют соответственно больший голосовой тракт и следовательно более низкий голос. Для проверки данного предположения были проведены некоторые исследования. Результаты оказались противоречивыми. В отношении мужчин данный тезис подтвердился. Что же касается женщин, то высказанное предположение не подтвердилось [Graddol, Swann, 1989].

Ряд наблюдений указывает на то, что качество голоса обусловлено генетически. Наследуются не только размеры вокального тракта, но и гормональная предрасположенность, которая оказывает решающее воздействие на качество голоса [Graddol, Swann, 1989]. Организмы мужчин и женщин подвержены влиянию выброса гормонов в равной степени: у мальчиков после ломки голоса тембр становится на октаву ниже. Голоса женщин могут также становиться ниже благодаря проведению гормонотерапии, что указывает на то, что голос человека формируется под влиянием физических и биологических факторов.

Вместе с тем имеются указания на то, что различия в функционирования голосовых связок могут быть следствием социальных причин в большей степени, чем это было принято считать ранее. Как мужчины, так и женщины могут изменять свой голос в пределах значительного диапазона, который обозначается как ЧОТ, располагающаяся между максимальными и минимальными её значениями.

При исследовании индивидуального диапазона голоса установлено, что значения диапазона ЧОТ мужчин и женщин в значительной степени перекрываются. Существуют значительные возможности варьирования тем или иным индивидуумом своим голосом, что зависит от условий коммуникации, эмоционального состояния говорящего и т.д. Следовательно, различия по средней ЧОТ мужских и женских голосов и диапазону объясняются биологической природой человека лишь частично.

«... мужчины и женщины по-разному используют находящийся в их распоряжении диапазон голосовых частот, при этом мужские голоса располагаются скорее в нижней, женские – в верхней части имеющегося в их распоряжении диапазона частоты основного тона. Таким образом, мы и приходим к необязательной, но всё же поддерживающей половые стереотипы поляризации мужских и женских голосов» [Graddol, Swann, 1989, с. 18].

Скорее всего, существует так называемый «социализированный голос», которого стараются придерживаться и мужчины, и женщины, односторонне используя имеющийся

в их распоряжении диапазон ЧОТ. Межкультурные исследования² показали, что частота основного тона и качество голоса по-разному оцениваются в культурном плане.

Помимо исследований, основным объектом которых является ЧОТ голоса, следует упомянуть эксперименты по восприятию немецкой речи с учётом гендерного фактора. Так, при изучении языкового выражения категории императивности в звучащем тексте [Шёнберг, 1988] дикторами-носителями русского и немецкого языков данного исследования были как мужчины, так и женщины. Было установлено, что наиболее важными средствами выражения и восприятия категории императивности являются акцентная выделенность и громкость. Менее чёткие различия между отдельными императивными действиями получены применительно к мелодическому диапазону и таким временным параметрам, как темп и паузация. Для сегментного уровня императивность часто связана с увеличением длительности звуков. При этом существенных расхождений между значениями акустических параметров при произнесении экспериментального материала женщинами и мужчинами не наблюдалось.

В одной из последних работ [Лиханов, 2003] проанализированы ударные гласные немецкого языка: [a], [a:], [e], [e:], [i], [i:], [ɔ], [o:], [u], [u:], произносимые мужчинами и женщинами в разных позициях в слове и фразе. Каждый гласный рассматривался в трёх позициях (отдельно для мужчин и для женщин): срединная позиция в слове в начале предложения; срединная позиция в том же слове и предложении (анализу данной позиции нами было уделено основное внимание); срединная позиция в том же слове в конце предложения.

Исследование содержит описание и лингвистическую интерпретацию результатов экспериментально-фонетического анализа модификаций акустических характеристик немецкого вокализма с учётом фоностилистической принадлежности звучащего текста и гендерного фактора. Проводится сопоставление и даётся лингвистическая интерпретация полученных значений ЧОТ, интенсивности и длительности отдельно для каждой фоностилистической разновидности звучащего текста (новости, лекции и интервью).

Средние значения ЧОТ в речи женщин превосходят аналогичные значения в речи мужчин в 1,6–1,8 (новости – в 1,6–1,75; лекции – 1,6–1,85; интервью – 1,6–1,9) раза. Полученные значения ещё раз подтверждают результаты проводимых исследований применительно к ЧОТ, в которых указывается, что ЧОТ в женской речи в 1,5–2 раза превосходит ЧОТ в мужской речи [Блохина, Потапова, 1970; Потапова, Линднер, 1991; Fant, 1970; Machelett, 1998 и др.]. Диапазон варьирования ЧОТ в мужской речи незначительно превосходит диапазон варьирования ЧОТ в женской речи. В то же время диапазон уровня интенсивности (разница между максимальным и минимальным значениями) в интервью намного шире, чем в новостях и лекции.

² Это доказывает и исследование речи билингвов, проведённое на материале японского языка и американского варианта английского языка [Ohara, 1999]. В случае с мужчинами-билингвами не было установлено никаких различий в высоте голоса при использовании обоих языков. Однако женщины-билингвы обнаруживают значительные голосовые различия в произношении на обоих языках. Скорее всего это объясняется тем, что в японской культуре существуют определённые установки по отношению к «женским» голосам в японской речи.

Средние значения интенсивности немецких гласных в женской речи в целом превышают (хотя и незначительно) аналогичные значения в речи мужчин. Средние значения длительности немецких гласных в мужских и женских группах испытуемых в идентичных фонотипах варьируют незначительно. Данная ситуация может быть обусловлена тем, что варьирование такого акустического параметра, как длительность, определяется в первую очередь не гендерным фактором (то есть произносится данный текст мужчиной или женщиной), а ситуативными признаками (то есть в какой ситуации и при каких обстоятельствах протекает данный речевой акт).

В 100% случаев гласные, произносимые женщинами, воспринимались на слух в качестве более высоких. В 60–70% случаев данные гласные были восприняты реципиентами и как более громкие, что соответствует классической в психофизике зависимости между восприятием высоты и громкости: более высокие гласные воспринимаются как более громкие. В то же самое время установить подобную зависимость в отношении длительности не удалось: 50% реципиентов восприняли гласные, произносимые мужчинами и женщинами в трёх типах звучащих текстов, как равные по своей протяжённости во времени. Данная тенденция находит отражение в следующем распределении средних значений ЧОТ, интенсивности и длительности: отношение средних значений ЧОТ в речи женщин к средним значениям речи мужчин составляет 1,6–1,9; средние значения интенсивности в речи женщин хотя и незначительно, но всё же превышают аналогичные значения в речи мужчин. Для средних значений длительности гласных какой-либо определённой тенденции выявить не удалось.

Таким образом, анализ акустических характеристик в трёх типах звучащих текстов подтвердил предположение, согласно которому значения ЧОТ, интенсивность и длительность являются не только индикаторами фонотипической принадлежности звучащего текста, но и могут служить фонетическими средствами для идентификации пола говорящего.

Интонация с учетом гендерного фактора

Интонация³, являясь неотъемлемым компонентом звучащей речи и будучи потенциально заложена также и в письменной речи, выполняет в коммуникации важнейшие функции. Вместе с другими вербальными средствами она организует речевые высказывания, дифференцируя их по коммуникативной нагрузке и модально-эмоциональным признакам. Интонационное оформление нейтральной речи существенно отличается от интонационного оформления эмоционально окрашенной речи [Норк, 1961].

В целом фразовая интонация наделена тремя лингвистическими функциями: функцией членения, функцией связи и функцией передачи смысловых отношений [Николаева, 1977]. Что же касается паралингвистической функции интонации, то в данном случае интонация используется для выражения эмоционального или модально-оценочного состояния говорящего как контролируемого, так и неконтролируемого типа (например, при состояниях злости или страха, которые имеют эндокринную основу и, следовательно, не контролируются для носителей этносов и культур) [Потапова, 2000а].

Немецкий язык, как и любой другой язык, располагает различными средствами для выражения отношения говорящего к предмету высказывания. Это могут быть слова с соответствующими значениями («*Also doch wieder schreiben? Es freut mich.*» «*Ich muß mich leider von dir trennen, Rosa.*»), особое употребление конъюнктива («*...und es war besser gewesen, ich hatte ein Kind*»). Однако основное средство выражения модально-эмоцио-

³ По мнению А.М. Пешковского, чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией [Пешковский 1959].

нального отношения говорящего к предмету высказывания – это интонация. Например, фраза «*Hattest du keinen guten Tag?*» может быть произнесена без всяких эмоций и в этом случае явится деловым вопросом о причинах, по которым слушающий не сделал того, что он собирался сделать, вопросом, предполагающим столь же деловой ответ. Однако эта фраза может быть произнесена с участием, и в этом случае будет воспринята слушающим как побуждение к более подробному ответу, включающему, может быть, даже упоминание о каких-то приводящих обстоятельствах. Другие фразы допускают в силу своего значения только одну единственно возможную эмоциональную окраску. Например, фраза «*Laß dir nicht einfallen, mich zu verlassen!*» содержит явную угрозу и произносится с соответствующим выражением. Фраза «*Was, das soll meine Schrift sein?*» выражает не только вопрос, но одновременно и крайне высокую степень удивления.

Эмоциональная окраска фразы оказывает существенное воздействие на обусловленную её коммуникативным типом интонацию вплоть до её полного изменения. Проявляется это прежде всего в тембре голоса, так как каждому эмоциональному оттенку речи соответствует свой особый тембр, что относится как к мужской, так и женской речи. Поэтому слова *betont, unbeteiligt, wild, jubelte, grollte*, указывающие в составе вышеприведённых примеров на эмоциональное состояние говорящего, одновременно сигнализируют и о том, что данная фраза произносится с вполне определённым тембром.

Эмоциональная окраска произносимой фразы сказывается самым непосредственным образом и на её мелодике. При этом количество возникающих вариаций мелодического оформления оказывается столь велико, что выявление типичных мелодик, соответствующих каждому конкретному эмоциональному состоянию говорящего, оказывается весьма трудной задачей.

Исследования способов передачи эмоций в немецкой звучащей речи ведутся уже в течение нескольких десятилетий. Ещё в конце первой половины XX в. Ф. Троян предложил понятие «акуэма» или «звуковой образ» (*Akuem, Schallbild*), которое должно было отразить невербальные способы выражения той или иной эмоции в звучащей речи [Trojan, 1952].

В начале второй половины XX в. вопрос о взаимодействии эмоций говорящего и интонации, понимаемой как изменение высоты тона, был затронут О. фон Эссенем, который включил в основы немецкой интонации некоторые замечания об эмоциональной окрашенности фраз, оформленных несвойственной им мелодикой. Так, фразы повествовательного характера, произносимые с повышением тона после ударного слога, выделенного фразовым акцентом, приобретают характер предостережений (*Du bist zu unvorsichtig*), а вопросы без вопросительного слова, произнесённые с мелодикой завершенности, воспринимаются как строгие приказы, не допускающие и мысли об уклончивом ответе (*Hast du mit dem Mann gesprochen?*) и т.д. [Fiukowski, Lindner, Preu, Qualmann, Stelzig, Stock 1982; Essen, 1964].

Определение роли речевой мелодики в передаче эмоциональных коннотаций, связываемых говорящим с предметным содержанием высказывания, было предпринято позже Э. Штоком. Результаты проведённых им

экспериментов говорят о том, что ни речевая мелодика сама по себе, ни речевая мелодика в комплексе с интенсивностью и темпом недостаточны для удовлетворительного опознания специфической эмоциональной окрашенности высказывания. Уверенно опознать эту сторону высказывания становится возможным лишь с учётом информации, содержащейся в сегментных единицах высказывания и в тембре голоса [Stock, 1980]. С помощью же одной интонации можно лишь отличить экспрессивные высказывания от неэкспрессивных.

Таким образом, в настоящее время было бы точнее говорить не столько об интонации в целом как о средстве различения нейтральной или эмоционально окрашенной речи, сколько о роли тембра как средства выражения отношения говорящего к предмету высказывания [Раевский, 1997].

Применительно к просодии наблюдается чёткая дифференциация интонационных явлений на конвенциональные (символы) и инстинктивные (симптомы). При этом подчёркивается, что конвенциональными с уверенностью можно считать только те явления, где интонация выполняет интеллектуальную, или референтную, функцию [Uldall, 1960], в то время как интонационное выражение эмоций относится к области инстинктивных реакций [Bolinger, 1961].

Против такой крайней точки зрения говорит целый ряд последних полученных экспериментальным путём данных, доказывающих, что эмоциональные значения, присутствующие в речи, воспринимаются человеком не непосредственно через эмоциональные центры, а посредством интеллекта. Опыт, проведённый У. Греем [Грей, 1966], показывает, что раздражение эмоциональных центров и применение второй сигнальной системы дают на энцефалограмме одни и те же колебания. Этим экспериментально доказывается, что человеческие эмоции функционально основаны на интеллектуально-эмоциональных взаимоотношениях [Heifets, 1966]. В самой природе речи как средстве общения заложены возможности выражения не только мыслей, но воли и чувств человека.

Результаты специальных исследований восприятия звучащей речи с установкой на позитивную и негативную оценку голоса и речи говорящего [Манёров, 1993] позволяют утверждать, что определённые речевые акустические характеристики говорящего коррелируют со слуховым впечатлением слушающего. Так, повышение энергии ЧОТ в области 80–90 Гц соотносится с позитивным слуховым коррелятом (приятный, мужественный), а в области 70 Гц, а также 140–160 Гц – с негативным слуховым коррелятом.

Смещение спектра мужского голоса в область более высоких резонансных частот ведёт к позитивной оценке: активность, чёткость. Дальнейшее же возрастание высокочастотных составляющих оценивается негативно как «холодное звучание», «женоподобность».

«Голос, его индивидуальность не только „невидимая визитная карточка“ говорящего, обещающая наличие соответствующих физических и социальных достоинств у его обладателя, но и явление самостоятельной ценности для слушающего. Особенно велико воздействие голоса в ситуации, когда партнёры разнополы. Наибольшее количество полярных (преимущественно позитивных) оценок и суждений о прослушиваемых мужских голосах принадлежало слушателям-женщинам. В этом проявляется их ценностное отношение к ряду индивидуальных особенностей звучания, особенно таких качеств, как глубокий тембр звучания, низкая высота. Эталонный мужской голос представляется как важный половой признак, атрибут мужественности, проецируемый слушателями на внешность и личностные свойства» [Манёров, 1993, с. 27].

Значение экспрессивного аспекта трудно переоценивать. Характеризуя говорящих как мужчин, так и женщин, элементы этого аспекта немедленно обнаруживают несходство в воспитании людей, в их общей манере держаться в акте коммуникации и т.д. Отражая личность говорящего, характеризуя его оценку действительности, экспрессивные элементы квалифицируют его как представителя той или иной общественной группы [Пехлина, 1969], того или иного возраста, определённого пола. Экспрессивность, будучи оценочной категорией, имеет социальный характер [Горбунов, 1966].

В работах по языкознанию XIX в. у представителей психологического направления и у младограмматиков наблюдается стремление объяснить все языковые явления с позиций индивидуальной и коллективной психологии. Влияние такого подхода к анализу языковых явлений сказывается и на работах последующих веков. Например, О. фон Эссен, в принципе допуская возможность конвенционального характера интонационных средств для выражения эмоциональных значений, объясняет эту конвенциональность общностью психического склада людей, принадлежащих к данной языковой группе. «Темп речи, то есть скорость сменяющихся произносительных движений, глубоко отражает душевное состояние говорящего. Хотя основанием этого отчасти служат условные языковые привычки, однако следует признать, что и эти привычки в конечном итоге тоже восходят к психическим особенностям людей, принадлежащих к одной языковой общности. Темпераментный француз или итальянец говорит в ином темпе, чем медлительный фриз» [Essen, 1949]. В подкрепление своей точки зрения О. фон Эссен ссылается на О. Бремера: «Как у отдельного человека, так и у целых народов вся система произношения зависит от их психологической направленности. Также и многие расхождения в немецких диалектах по совокупному характеру их звучания имеют основанием психологические различия племён: легкомысленность жителя Рейнской области по сравнению с более серьёзным мировосприятием мекленбуржца отражается и в их произношении» [Bremer, 1893, с. 11].

Национально-психологические особенности (с нашей точки зрения и гендерные особенности) формируются в онтогенезе и филогенезе и, таким образом, имеют самую непосредственную связь с общим развитием психики человека. Общий перечень возможных направлений исследований этнической психологии включает в себя как интеллектуально-познавательные процессы, эмоционально-волевые явления, психологическое своеобразие групповых форм взаимодействия и поведения людей, так и национально специфические потребности, интересы, ценностные ориентации [Крысько, 2002].

В связи с этим необходимо упомянуть некоторые этнопсихологические стереотипы. Так, последнее время в работах, посвящённых этнопсихологии, мы встречаем следующее определение психологического типа немцев: «...если на французов больше воздействуют идеи, эмоции и громкие фразы, то на немцев – факты, цифровые расчёты и другие практические ценности. По темпераменту немцев можно отнести к флегматикам. Им присуща холодная рассудительность и выдержка в достижении поставленных целей, а также способность переносить связанные с этим трудности и лишения» [Крысько, 2002, с. 283]. «Лицо немца и вся его внешность только в самых редких случаях может привлечь иностранца

своей весёлостью, живостью и откровенностью. Как правило, он всегда сосредоточенно молчалив, важно степенен или по крайней мере меланхоличен и суров...» [Крысько, 2002, с. 284]. Соответствующие характеристики мы встречаем и в текстах художественной прозы, например, в романе американской писательницы А. Картер «Адские машины желания доктора Хоффмана»: «Как мы гоготали и хихикали у себя, когда я зачитывал вслух отборнейшие лакомые кусочки его текстов. Посмеивались над ним и его сокурники. Один только Хоффман со своим тевтонским отсутствием чувства юмора выслушивал неистового Мендосу, не меняясь в лице.» [Картер, 2000, с. 194] и поэзии, например, в стихотворении М. Кузмина «Германия»: «... Мужья – спокойны и смелы ...» [Кузмин, 1994, с. 267].

Следует подчеркнуть, что существует теория деления народов по их принадлежности к крупным языковым группам и соответствующему данному языковому ареалу этническому психотипу. Ситуация в Европе имеет вид следующей дихотомии: с одной стороны, германские народы, которым присущи меньшая степень эмоциональности, с другой стороны, объединённые в одну группу романские и славянские народы, которым, в свою очередь присущи большая степень эмоциональности, «подвижный темперамент» и т.д.

Большая эмоциональность романо-славянских народов может быть формально соотнесена с одним из стереотипов, который связан с мнением об эмоциональности женщин, их высоких голосах, широком мелодическом диапазоне, быстром темпе речи. Например, при анализе интонации мужских и женских голосов обычно обращают внимание на такие явления, как речевая компетентность женщин, авангардизм или консерватизм, эмоциональность, социальный статус и социальная речь [Потапов, 1997]. Перцептивно женская речь ассоциируется с впечатлением большего разнообразия, вариативности за счёт изрезанности мелодического рисунка. Некоторыми лингвистами большая изрезанность мелодики (то есть с большим количеством пиков мелодики) женской речи опосредованно связывается с «желанием понравиться противоположному полу», жеманством и т.п. [Брызгунова, 1984].

Интонационные средства для выражения эмоциональных оттенков имеют в той или иной мере относительный характер. Различают два вида такой обусловленности: во-первых, своеобразие использования средств выражения в соответствии с чертами национального характера. Второй тип обусловленности проявляется, когда выражение эмоционального состояния с помощью того или иного просодического комплекса носит чисто условный характер в том же смысле, в каком условны, например, тоны вьетнамского языка [Давыдов, 1965].

Существует разногласие в теоретическом подходе к вопросу, какой из указанных факторов (биологический или конвенциональный) оказывает большее влияние на выражение эмоциональных значений. Известно, что многие эмоциональные состояния легко опознаются по интонации даже в незнакомом языке. Разрозненные замечания по этому поводу можно найти в различных работах. Так, Н.С. Трубецкой [Трубецкой, 1960] приводит пример, как один японский актёр мог выразить голосом любой оттенок чувства так, что даже европейцы, незнакомые с японским языком, могли понять, о чём идёт речь. О. Есперсен [Espersen, 1926] отмечает, что маленький ребёнок задолго до того, как он начинает понимать язык окружающих, уже по одному тону слышит, в хорошем или плохом настроении родитель. Список таких примеров можно было бы продолжить многочисленными случаями из жизни, когда эмоциональное содержание речи иностранцев действительно адекватно улавливается только по звучанию их голоса. Эти наблюдения, по-видимому, и послужили основанием для утверждения, что речевое выражение эмоциональных состояний обусловлено, главным образом, реакциями рефлекторного и инстинктивного

характера [Trojan, 1952], а поскольку физиологические механизмы этих реакций у всех людей одинаковы, то предполагается, что интонационное выражение эмоций в разных языках идентично.

Некоторые исследования на материале разносистемных языков опровергают данный априорный вывод. В языке комачей, например, интонационное выражение эмоций осуществляется совсем иным способом, чем в английском языке. Если в английском языке, как установлено многими экспериментальными исследованиями, для этих целей применяется прежде всего мелодическое оформление, то в языке комачей изменение мелодических контуров отнюдь не служит выражению эмоциональных состояний, а обусловлено совсем иными факторами [Smalley, 1953]. Сопоставительное исследование эмоциональных интонаций в английском и русском языках также показало наличие специфических для этих языков типов мелодики при выражении таких эмоциональных значений, как: отвращение, презрение, гордость, испуг [Давыдов, 1965]. Сопоставление интонационного выражения «гнева» в немецком и русском языках также обнаруживает весьма существенные отличия [Витт, 1965]. Все эти данные позволяют сказать, что интонационное оформление экспрессивного аспекта в разных языках не является полностью идентичным.

Согласно учению К. Бюлера [Бюлер, 1993] об основных функциях языка и его известной интерпретации Н.С. Трубецким, каждое языковое выражение имеет три аспекта, являясь одновременно сообщением (экспликацией) о предмете речи, выражением (экспрессией), или характеристикой говорящего, и обращением (или апелляцией) к слушателю. Применяя такое деление к интонации, можно соотнести её грамматическую, организующую роль с экспликацией, а экспрессию и апелляцию считается целесообразным объединить в одну функцию, различая её в двух планах: в плане характеристики говорящего, с учётом его половой, возрастной, социальной и культурной принадлежности, и в плане обращения (аппеляции), анализируя, какие апеллятивные, то есть воздействующие, средства применяет говорящий, чтобы вызвать, возбудить в собеседнике известные чувства.

Отсюда возникает необходимость обучения определённым устойчивым интонационным формам выражения эмоциональных состояний в речи. При этом следует избегать случайности и стихийности интонационных образцов, которые часто могут быть «измельчёнными и нетипичными, узко ситуативными единицами, не отработанными социально и малоупотребительными» [Витт, 1965, с. 124]. Для подготовки переводчиков этот вопрос имеет особое значение, так как незнание норм чужого языка и замена их нормами родного может привести ко всякого рода недоразумениям, так как, как известно, бывают случаи, когда нас интересуют не столько объективное содержание слов говорящего, сколько его эмоциональное состояние и отношение к собеседнику.

К числу просодических признаков, маркирующих первый член оппозиции «эмоционально воздействующая информация» – «рационально воздействующая информация», относятся [Потапова, 1997]: повышение тонального уровня, увеличение громкости, увеличение темпа произнесения тематического пика по сравнению с фоном; повышение тонального уровня, расширение тонального диапазона, увеличение темпа про-

изнесения рематического пика по сравнению с фоном; отсутствие контраста между просодическими показателями темы и ремы; резкое повышение тонального уровня, резкое расширение тонального диапазона, средний уровень громкости, уменьшение произнесения рематического состава по сравнению с тематическим; наличие контраста между просодическими показателями темы и ремы.

Отсутствие знаний в сфере использования паралингвистических средств, присущих носителям того или иного языка, приводит к «сбоям» в процессе обмена информацией, возникают недопонимание, парадоксы, анекдотические случаи. Как следствие могут выступать неадекватная эмоциональная реакция партнёра, возникновение двусмысленности в речевом поведении, коммуникации в целом [Потапова, 1997].

Наблюдения над звучащей речью показывают, что эмоциональное содержание речи в наиболее ярких проявлениях тяготеет к двум основным типам: эмоциональным состояниям и эмоциональным реакциям говорящего [Брызгунова, 1984]. Эмоциональное состояние говорящего может быть нейтральным (спокойным), активным, пассивным. Однако, по мнению Л.Р. Зиндера, «нейтральность – это тоже проявление эмоции» [Зиндер, 1978, с. 6]. Эмоциональное состояние может быть беспокойным, радостным, гневным, восторженным и т.п. При нейтральном эмоциональном состоянии говорящего в звучащей речи обычно преобладает смысловое содержание. В то же время состояние стремления сопровождается активизацией его эмоционального состояния. Эмоции могут быть выражены как активно, так и пассивно, например, разочарование, досада. Эмоциональное состояние говорящего определяется его переживаниями и его стремлением определённым образом воздействовать на слушающих.

Существенно, что эмоциональное состояние говорящего может распространяться как на одно, так и на несколько высказываний. Если тот или иной вид эмоционального состояния охватывает большой речевой отрезок, то обычно проявляются «ведущие» интонации, создающие общую окраску речи [Брызгунова, 1984].

При отборе эмоциональных оттенков принимается во внимание тот факт, что различные эмоции получают в речи разную степень выразительности: одни из них сильнее проявляются и лучше воспринимаются слушателем, другие – слабее и с трудом улавливаются на слух, а некоторые эмоциональные состояния вообще не имеют определённых аналогов в интонационном выражении [Витт, 1965]. Согласно некоторым данным экспериментальных работ по психологии [Витт, 1965; Рожкова, 1968], путём сопоставления интонационных особенностей выражения и закономерностей опознавания эмоциональных состояний был доказан групповой характер последних. Выделение групп основано на том, что интонационное выражение эмоциональных состояний «стягивается» вокруг одного или двух из них. Таким образом, исследователи ограничиваются часто при выборе эмоциональных оттенков лишь имеющими наиболее общее значение, какими можно, например, считать страх, гнев, радость, печаль [Ковыльникова, 1971].

Положительные эмоции, как правило, опознаются хуже, чем отрицательные, а доброжелательное расположение к собеседнику, как правило, не отличается от отношения формальной вежливости, которое некоторыми исследователями рассматривается как нейтральное.

В ходе исследования необходим подбор соответствующих реципиентов (слушающих), то есть носителей немецкого и русского языков, для выявления особенностей языкового восприятия эмоциональной интонации носителями рассматриваемых двух языков. Некоторые эмоции практически не противопоставлены друг другу интонационно и поэтому могут не опознаваться при восприятии. Примером могут послу-

жить эмоции радости и испуга, которые имеют сходство по акустическим характеристикам (восходяще-нисходящее движение ЧОТ, величина ЧОТ, скорость изменения ЧОТ во времени) [Мачкова, 1971].

Эмоции, реализованные в речи носителями немецкого языка, идентифицируются по интонационной структуре немцами стопроцентно, а носителями русского языка далеко не всегда. Данный факт подтверждает положение о том, что интонационное выражение эмоций и их восприятие в значительной степени обусловлены языковой принадлежностью коммуникантов.

В качестве акустической доминанты при восприятии эмоций радости и испуга реципиенты указывают на повышение регистра и на тембр, а носители русского языка называют дополнительно и своеобразие рисунка мелодии. Большой процент опознавания реципиентами – носителями русского языка падает на эмоцию печали и эмоцию досады. В качестве релевантного признака этих эмоций реципиенты называют замедленный темп, понижение регистра, а также ровное протекание мелодии при эмоции печали и относительно ровное при эмоции досады (недовольства).

Устойчивое расхождение в определении эмоций русскими и немецкими реципиентами определяется как специфичность интонации данной эмоции для немецкого языка и, напротив, одинаковый характер реакций реципиентов (носителей двух рассматриваемых языков) свидетельствует о близости данной конкретной немецкой интонации к русской. Например, эмоция радости в местоименном вопросительном предложении безошибочно определяется носителями немецкого языка и, наоборот, смешивается носителями русского языка с эмоцией испуга. Возможность или невозможность идентификации той или иной эмоции на уровне восприятия по интонационному выражению положена в основу различения двух видов эмоций: эмоции, интонационное выражение которых не обусловлено спецификой языковой системы, и эмоции, интонационное выражение которых в значительной степени обусловлено спецификой немецкого языка. Первый вид эмоций хорошо опознаётся всеми категориями реципиентов. Второй вид опознаётся носителями немецкого языка и не опознаётся носителями русского языка.

Первый вид эмоций, опознаваемый всеми категориями реципиентов, включает в себя эмоции удивления, печали, досады и испуга (эмоции перечислены по степени опознавания). Ко второму виду эмоций, опознаваемому носителями немецкого языка и не опознаваемому носителями русского языка, относится эмоция радости.

Эмотивные функции интонация выполняет как в русском, так и в немецком языке. Одинаковы также и интонационные средства, применяемые в обоих языках, что создает сходство их интонационных систем. Однако при общем принципиальном сходстве интонационных систем этих двух языков между ними существуют и различия.

Мелодия является как в русском, так и в немецком языке основным компонентом интонации в выражении законченности или незаконченности высказывания, в характеристике коммуникативных типов предложений и коммуникативного членения предложения.

Формы движения основного тона голоса в предложении разнообразны, но основными из них являются нисходящая, служащая для выражения

законченности высказывания и, соответственно, для оформления повествовательного предложения, и восходящая, выражающая незаконченность. Именно поэтому восходящая мелодика служит для оформления вопросительных предложений, которые являются ситуативно-незавершёнными, поскольку они требуют ответа.

Роль интонации в выражении данного и нового в высказывании исключительно велика. Фонетические способы выделения нового в обоих языках сходны. Тем не менее, существуют и различия, которые придают каждому из сопоставляемых языков его особый интонационный колорит. Следует перечислить следующие расхождения в способах интонационного выделения «нового» в русском и немецком языках [Норк, 1961]: усиление ударного слога в немецком языке резче, чем в русском, что следует отнести за счёт большей абсолютной силы немецкого динамического ударения по сравнению с русским; удлинение ударного слога в русском языке происходит, главным образом, за счёт удлинения его гласного; в немецком же языке могут быть два случая: слог удлиняется за счёт гласного, если гласный является долгой фонемой, и удлиняется в основном за счёт согласных (особенно фрикативных и сонорных), если его гласный является краткой фонемой. Это варьирование удлинения слога то за счёт гласных, то за счёт согласных необходимо в немецком языке, поскольку длительность гласных имеет в нём фонологическую значимость, служа для различения слов и их форм; высотный интервал, образующийся на ударном слоге при переломе движения основного тона голоса, в немецком языке, как правило, меньше, чем в русском языке; движение основного тона на ударном слоге, хотя и бывает в немецком языке чисто нисходящим, носит, однако, чаще восходяще-нисходящий характер. В русском языке, наоборот, чаще встречается чисто нисходящее движение тона.

Восприятие носителями немецкого языка русской интонации осложняется многими лингвистическими факторами [Рогова, 1985]. Обращаясь к системе интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой [Брызгунова, 1977], в методическом плане требуется проведение корректировки ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-4, ИК-6 на материале сообщения, вопроса и неконечных синтагм повествовательного предложения в нейтральном стиле речи. При этом особое внимание уделяется усвоению ИК-3. В этом случае следует упомянуть тот факт, что ИК-3 считается спецификой русской интонации, и она утрачивается носителями русского языка при длительном пребывании за рубежом. Практика показывает, что носители немецкого языка обычно не владеют ИК-5, ИК-7⁴ и употреблением ИК-6 в оценочных предложениях. ИК эмоционально окрашенной речи начинают восприниматься носителями немецкого языка на более продвинутом этапе усвоения русского языка.

Различия в восприятии интонаций двух языков связаны с особенностью русской интонации, известной под именем зигзагообразной мелодии, которая абсолютно чужда немецкому произношению, где скорее можно говорить о ступенчатом понижении тона в пределах фразы [Зеленецкий, Монахов, 1983].

Для русского языка информативными для распознавания интонации являются изменения тона на большем отрезке, чем ударный слог слова с главным ударением. Эксперименты по восприятию высоты тона на материале немецких фраз [Потапова, Линднер, 1991] показали, что немцы адекватно идентифицируют разницу между понижением и повышением тона, как правило, на конечном участке, связывая распознаваемые контуры с интонацией завершённости и незавершённости. Ярко выраженная восходяще-нисходящая мелодика на конечном участке фразы при наличии

⁴ Интонационный ряд ИК-7 имеет незначительное количество модальных реализаций. Наиболее употребительная из них отличается от нейтральной высоким уровнем тона на одном из предцентровых слогов, восходяще-нисходящим движением тона на гласном центра, увеличением длительности центра (в среднем в два раза по сравнению с другими слогами). Эта реализация ИК-7 вносит оттенок *снихождения, добродушия* [подробнее об этом см. Брызгунова, 1980].

более длительной реализации нисходящего тона оценивается слушающими как интонация полной завершённости, утверждения. В силу специфики зауженного мелодического диапазона, дискретных внутрислоговых и более сглаженных межслоговых мелодических интервалов во фразах немецкой речи носители русского языка воспринимают немецкую интонацию как более монотонную, чем русскую, характеризуемую большим мелодическим диапазоном, большей мелодической изрезанностью на межслоговых участках. В свою очередь, носители немецкого языка воспринимают русскую интонацию как более эмоционально насыщенную, с рядом коннотативных значений.

Для определения механизма языковой категориальности при восприятии немецкой интонации носителями русского языка и русской интонации носителями немецкого языка проводились специальные экспериментально-фонетические исследования [Potapova, 2002b].

С целью элиминирования смысла речевого высказывания в ходе эксперимента были применены акустические фильтры, предназначенные для разрушения формантной структуры звукового состава, что вело к деструкции лексем и «снятию» семантической составляющей сообщения. Неизменными оставались характеристики движения ЧОТ во времени (при восприятии мелодики). Таким способом были получены звучащие «псевдопредложения» применительно к немецкому и русскому языкам, которые в свободной комбинаторике предъявлялись испытуемым – носителям немецкого и русского языков. Экспериментальный материал включал коммуникативно релевантные типы интонации (основные коммуникативные типы): завершённое повествование, незавершённое повествование, общий вопрос. Полученные данные обрабатывались методами математической статистики, что позволило установить систематические расхождения между перцептивными оценками предъявляемых стимулов применительно к двум группам испытуемых.

В результате эксперимента выявлено, что русские интонационные стимулы идентифицируются немцами следующим образом: «завершённое повествование» в русской речи воспринимается немцами как «незавершённое повествование»; русский «общий вопрос» воспринимается немцами как «завершённое повествование», а также как особая разновидность подтверждающего вопроса.

Мелодический диапазон немецких интонационных стимулов перцептивно оценивается русскими как суженный, скомпрессированный, движение мелодики – как монотонное. В отличие от этого мелодический диапазон русской речи перцептивно оценивается немцами как слишком широкий, эмоционально насыщенный.

На следующем этапе эксперимента ставилась задача: на уровне восприятия определить мелодически маркированные участки речевого сообщения, позволяющие выявить специфику восприятия интонации в целом. Гипотеза исследования формулировалась следующим образом: узкий мелодический диапазон немецкой речи реализуется за счёт изменений частоты основного тона в рамках слогов, а не на участках между ними, что не совпадает с соответствующими характеристиками русской речи, где мелодическая изрезанность реализуется вследствие модификаций частоты основного тона на стыках между слогами.

Эксперимент включал два этапа: во-первых, с помощью специальной компьютерной программы элиминировались перепады по ЧОТ между слогами; во-вторых, посредством компьютерной программы элиминировались изменения ЧОТ в пределах каждого слога фразы. Препарированные таким образом псевдо-фразы анализировались на перцептивном уровне испытуемыми – носителями русского и немецкого языков. Задача, стоявшая перед испытуемыми, заключалась в определении наличия признаков «естественность–неестественность» звучания предъявляемых стимулов. В ходе эксперимента немцы воспринимали немецкие псевдо-фразы с элиминированными внутрислоговыми модификациями частоты основного тона как неестественные. Более того, некоторые коммуникативные типы интонации немецких псевдо-фраз идентифицировались ими неверно (например, для завершённого и незавершённого повествования констатировалось наличие перекрёстных ложных «попаданий в цель»).

Аналогичная картина наблюдалась в опытах с восприятием модифицированных стимулов испытуемыми – носителями русского языка, где отсутствие межслоговых интервалов частоты основного тона расценивалось как «неестественность» в реализации русской интонации. Проводились также эксперименты по восприятию немцами немецких и русских стимулов с элиминированием межслоговых интервалов частоты основного тона. Обнаружилось, что немцы оценивают немецкие псевдо-фразы без межслоговых интервалов частоты основного тона в качестве естественных, а русские псевдо-фразы – как неестественные. Применительно к испытуемым русским наблюдалась иная закономерность: немецкие псевдо-фразы без межслоговой мелодической интервалики воспринимались как естественные, а русские – как неестественные.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что при восприятии ведущих параметров интонации – мелодического диапазона и изрезанности мелодического контура, закреплённого за определёнными участками речевого высказывания, механизм восприятия у русских и немцев сориентирован на разные доминанты в реализации этих параметров.

Восприятие интонационных характеристик категории модальности немцами и русскими характеризуется также наличием ряда особенностей. Так, просьба, реализуемая вербально носителями русского языка, идентифицируется носителями немецкого языка с коннотативными оттенками извинения, привлечения к себе внимания собеседника. Противоположная тенденция характерна для носителей русского языка, воспринимающих просьбу в реализации немцев: констатируется оттенок большего психологического давления, требования. При этом характерна различная ориентация на компоненты интонации: для русских приказ, просьба, мольба, требование, угроза связаны с изменением темпа, паузации. Для немцев эти просодические характеристики для данного ряда категорий нерелевантны. Однако релевантными выступают громкость и характер акцентуации, которые для русских избыточны. Как для тех, так и для других в равной мере релевантной выступала мелодическая составляющая интонации.

Заключение

Как показали исследования, основанные на экспериментально-фонетическом анализе русской и немецкой речи [Потапова, 1986; Potapova, 1993; Potapowa, 2002a], для интегративной картины описания немецкой звучащей речи присущи такие характеристики, как: напряжённая артикуляционная база, повышенное подсвязочное давление и как следствие форсированное голосообразование (фонация), ведущее к наличию

твёрдого приступа при артикуляции неприкрытых гласных и сильного отступа; замена фонологических признаков «звонкость–глухость» применительно к консонантизму на реализацию оппозиции «фортисность–ленисность»; динамическая двувёршинность долгих гласных вследствие феномена реартикуляции; артикуляционная установка на лёгкую лабиализацию гласных и как следствие бемольность (сдвинутость в область низких частот) звучания речи; толчкообразная динамика слогов в потоке речи вследствие дискретной кинесики, воспринимаемая как динамико-мелодическая пунктирность (в терминах Ф. Трояна «стаккато»); консонантная насыщенность слоговых структур; узкий мелодический диапазон при интонировании; глубокое падение тона на участке фразовой каденции; практически отсутствие мелодической изрезанности (зигзагообразности), то есть тенденция к монотонной речи; минимум эмфатических интонационных вершин; упорядоченный ритмический рисунок речевого высказывания как следствие закреплённого ударения и практически отсутствие количественно-качественной редукции безударных гласных (за некоторым исключением).

Интегративная характеристика русской звучащей речи включает функционирование ненапряжённой артикуляционной базы, среднее и пониженное подсвязочное давление и как следствие щадящее нефорсированное голосообразование (фонация), ведущее к отсутствию резкого раскрытия голосовой щели, свойственной артикуляции твёрдого приступа; применительно к консонантизму наличие оппозиции «звонкость–глухость», а также «палатализованность–непалатализованность»; динамическая одновёршинность гласных; волнообразная динамика слогов вследствие рассосредоточенной кинесики (в терминах Ф. Трояна «легато»); преобладание открытого типа слога и как следствие насыщенная вокализованность речи; расширенный мелодический диапазон при интонировании; неглубокое падение тона на участке фразовой каденции; наличие мелодической изрезанности (зигзагообразности), то есть отсутствие мелодического монотона; значительное число эмфатических интонационных вершин; неупорядоченный ритмический рисунок речевого высказывания как следствие подвижного разноместного ударения; сильная количественно-качественная редукция безударных гласных.

Многочисленные наблюдения и эксперименты продемонстрировали наличие корреляции между вышеперечисленными артикуляционно-акустическими признаками немецкой и русской речи и их слуховыми впечатлениями, соотносящимися с разными ассоциативными векторами перцептивных оценок, носящих зонный характер и располагающихся достаточно полярно с небольшим перекрытием значений.

Согласно мнению Р.К. Потаповой [Potapowa, 2002a], весь инвентарь вышеперечисленных признаков служит основой для дифференциации фонетических особенностей немецкого и русского языков с учётом противоположных механизмов речеобразования: *vox – ergotropica* для немецкой речи и *vox – trophotropica* – для русской речи, то есть наличие повышенного мышечного тонуса, мобилизации организма и усиления энергетической базы стенического характера при реализации немецкой речи и отсутствие повышенного мышечного тонуса и ослабление энергетической базы астенического характера – для русской речи. Данная зависимость далеко не случайна, так как речь является частью общего функционально-двигательного комплекса индивидуума, включающего все виды моторной деятельности.

Всё вышесказанное позволяет экстраполировать признаки немецкой и русской речи на плоскость противопоставления мужественность~женственность, маскулинность~фемининность. Немецкая речь при её интегративном рассмотрении соотносится в большей степени с такими ассоциативными представлениями, как «мужское начало», «мужество», «деловитость», «концентрация сил», «готовность к действию». В противоположность этому русская речь в целом ассоциируется с такими представлениями, как «женское начало», «женственность», «лиричность», «мягкость», «податливость», что также может быть соотнесено с условной дихотомией мужская~женская культура [Потапов, 2004]. Так, например, Д.С. Лихачёв определяет символически русскую культуру как «женскую», а немецкую культуру как «мужскую». В этом его определении одним из основных критериев предстают обращения русских пожилых женщин к юному поколению, а именно: «Доченька!», «Сынок!», то есть между поколениями на первый план выступает лексика «материнско-сыновне-дочерних» отношений [Лихачёв, 2000] (ср., например, идентичную ситуацию в историософии русского мессианизма, где используются образы «женственной России» и «мужественного Запада» [Рябов, 2001]).

Естественно, в природе не существует, с одной стороны, правил без исключений, с другой стороны, абсолютных истин. По результатам наблюдений и специальных экспериментальных исследований можно лишь выявить тенденцию к наличию той или иной закономерности в развитии того или иного явления. Так, в природе нет белого и чёрного цветов, а есть нескончаемая палитра оттенков, образующих воспринимаемые нами цвета как белый и чёрный. Аналогичным может быть и подход к оценке мужского и женского начал с опорой на звучащую речь и её фонетические признаки. Однако определённые ключевые признаки всё-таки существуют, и именно эти признаки позволяют реципиентам судить о специфике интегративного представления о речи с учётом дихотомии мужественность~женственность как для речи отдельных индивидуумов, так и для социума и этноса в целом.

Литература

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. — М., 1984.
2. Блохина Л.П., Потапова Р.К. Просодические характеристики речи. — М., 1970.
3. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. — М., 1977.
4. Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т 1. — М., 1980.
5. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. — М., 1984.
6. Бюлер К. Теория языка. — М., 1993.
7. Витт Н.В. Выражение эмоциональных состояний в речевой интонации: дис. ... канд. филологич. наук. — М., 1965.
8. Горбунов А.П. О сущности экспрессии и формах её реализации // Вопросы стилистики. — М., 1966.
9. Грей У. Живой мозг. — М., 1966.
10. Гусейнов В.Н. Исследование акустических параметров гласных для автоматического синтеза русской речи с характеристиками женского голоса: автореф. дис. ... канд. филологич. наук. — М., 1986.
11. Давыдов М.В. Паралингвистические функции сверхсегментных средств английского языка в сопоставлении с русским: дис. ... канд. филологич. наук. — М., 1965.
12. Ерофеева Е.В. К вопросу о фонетических характеристиках речи мужчин и женщин // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л.П. Крысин. — М., 2000.
13. Зеленский А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. — М., 1983.

14. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Proc. of the XIth ICPhS. — Tallinn, 1987. Vol. 1.
15. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. — М., 1993.
16. Зиндер Л.Р. Вместо предисловия // Интонация. — Киев, 1978.
17. Златоустова Л.В. Влияние территориальных диалектов на литературную речь и относительная устойчивость системных черт диалектов // Матер. II Межд. конгр. исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». — М., 2004.
18. Златоустова Л.В., Крейчи С.А. Роль параметров ЧОТ и F-структуры в формировании мужских и женских голосов // III Всерос. конф. «Теория и практика речевых исследований» (АРСО-2003). — М., 2003.
19. Ищенко Л.П., Шаврина Е.А. Понятие «гендер» в современной лингвистике (краткий обзор статей) // Матер. II Межд. конгр. исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». — М., 2004.
20. Картер А. Адские машины желания доктора Хоффмана: Роман / Пер. с англ. В. Лапицкого. — СПб., 2000.
21. Ковыльникова В.Н. Модификации интонационной структуры побудительного предложения под влиянием эмоциональной окраски в немецком языке: дис. ... канд. филологич. наук. — М., 1971.
22. Кодзасов С.В. Голос в телевизионной рекламе // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. — М., 2000.
23. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: Курс лекций. — М., 2002.
24. Кузмин М. Германия // М. Кузмин. Арена: Избранные стихотворения. — СПб., 1994.
25. Кучеров В.Я., Лобанов Б.М. Синтезированная речь в системах массового обслуживания. — М., 1983.
26. Лиханов В.В. Фоностилистика немецкого вокализма (на материале звучащих текстов): автореф. дис. ... канд. филологич. наук. — М., 2003.
27. Лихачёв Д.С. Русская культура. — М., 2000.
28. Манёров В.Х. Экспериментально-теоретические основы социальной идентификации и интерпретации говорящего: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 1993.
29. Мартынов В.С. Распределение высот основного тона мужских и женских голосов // Вопросы радиоэлектроники. — 1962. — Вып. 6. — Сер. XI.
30. Мачкова Р.А. Интонация вопросительных предложений с эмоциональной окрашенностью в современном немецком языке: дис. ... канд. филологич. наук. — М., 1971.
31. Морозов В.П. Тайны вокальной речи. — Л., 1967.
32. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. — М., 1977.
33. Норк О.А. Интонация // К.Г. Крушельницкая. Очерки сопоставительной грамматики немецкого и русского языков. — М., 1961.
34. Пехлина Р.А. К вопросу об экспрессивности // Уч. зап. Пермского ГПИ. — Т. 63. — 1969.
35. Пешковский А.М. Интонация и грамматика. Избр. труды. — М., 1959.
36. Потапов В.В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // Известия АН: Серия литературы и языка. — 1997. — Т. 56. — № 3.

37. Потанов В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. — 2002а. — № 1.
38. Потанов В.В. Фонетические гендерные признаки русской разговорной речи // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 55. — 2002б.
39. Потанов В.В. Дифференциация русской речи с учетом гендерного фактора // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 9. Филология. — 2002в. — № 6.
40. Потанов В.В. Проблемы гендерологии с позиции межкультурной коммуникации // Матер. II Межд. конгр. исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». — М., 2004.
41. Потанова П.К. Слоговая фонетика германских языков. — М., 1986.
42. Потанова П.К. Коннотативная паралингвистика. — М., 1997.
43. Потанова П.К. О некоторых подходах к изучению природы паралингвистической коммуникации // Языковое сознание: содержание и функционирование. — М., 2000а.
44. Потанова П.К. Сексолект как составляющая экспертной фоноскопии в криминалистике // Гендер как интрига познания. — М., 2000б.
45. Потанова П.К., Линднер Г. Особенности немецкого произношения. — М., 1991.
46. Раевский М.В. Фонетика немецкого языка. — М., 1997.
47. Рогова М.К. Материалы корректировочного фонетического курса для немцев // Пособие по фонетике и интонации русского языка. — М., 1985.
48. Рожкова Г.И. Восприятие эмоциональных интонаций // Уч. зап. 1 МГПИИЯ им. М. Тареза. — Т. 44. — М., 1968.
49. Рябов О.В. «Матушка-Русь». — М., 2001.
50. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. — М., 1960.
51. Шёнберг А. Лингвоконтрастивное исследование способов речевой манифестации категории императивности (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филологич. наук. — М., 1988.
52. Albert R., Faschingbauer T., Heilmann C. Weibliche und männliche Stimmen. — Frankfurt am Main, 1999.
53. Bolinger D.L. Generality, gradience and the all-or-none. — Gravenhage, 1961.
54. Bremer O. Deutsche Phonetik. — Leipzig, 1893.
55. Eakins B.W., Eakins R.G. Sex differences in human communication. — Boston, 1978.
56. Essen O. von. Das Sprechtempo als Ausdruck psychischen Geschehens / O.v. Essen // Zeitschrift für Phonetik. 1949. — № 4. — P. 317–340.
57. Essen O. von. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. — Ratingen; Düsseldorf, 1964.
58. Fant G. Acoustic theory of speech production. — Gravenhage, 1970.
59. Fiukowski H., Lindner G., Preu O., Qualmann E., Stelzig H., Stock E. Einführung in die Sprechwissenschaft. — Leipzig, 1982.
60. Graddol D., Swann J. Gender voices. — Oxford, 1989.
61. Heifets M.D. The aesthetic principle. — Los Angeles, 1966.
62. Jespersen O. Lehrbuch der Phonetik. — Leipzig; Berlin, 1926.
63. Karlsson I. Evaluations of acoustic differences between male and female voices // Speech transmission laboratory. Quarterly progress and status report. — Stockholm, 1992.
64. Keil T. Transsexualität und Stimme. Möglichkeiten und Grenzen der stimmlichen Anpassung im Geschlechtsangleichungsprozeß // Zeitschrift für Sprechwiss., Sprechpäd., Sprechtherapie, Sprechkunst. 1994. — Vol II. — P. 4–14.
65. Künzel H.J. Sprechererkennung. Grundzüge forensischer Sprachverarbeitung. — Heidelberg, 1987.
66. Language, gender and society. — Cambridge, 1989.
67. Machelett K. Das Lesen von Sonagrammen. — Frankfurt am Main, 1998.
68. Martin F., Klingholz F., Eicher W. Die Bewertung der Stimme als sekundäres Geschlechtsmerkmal bei Transsexuellen // HNO 32. 1984.

69. *Neppert J.* Elemente einer akustischen Phonetik. — Hamburg, 1999.
70. *Ohara Y.* Performing gender through voice pitch: a cross-cultural analysis of Japanese and American English. // Wahrnehmung und Herstellung von Geschlecht / Hrsg. U. Pasero, F. Braun. Opladen, 1999.
71. *Petursson M., Neppert J.* Elementarbuch der Phonetik. — Hamburg, 1996.
72. *Pompino-Marschall B.* Einführung in die Phonetik. — Berlin; New York, 1995.
73. *Potapova R.K.* Zur vergleichenden Analyse der phonetischen Besonderheiten des Deutschen und Russischen // Beiträge zur Symbol- und Signalphonetik / Hrsg. H.-W. Wodarz. Phonetica Francofortensia 6. — Frankfurt am Main, 1993.
74. *Potapowa R.K.* Beiträge zum Problem der kontrastiven Phonetik // Phonetics and its applications. Festschrift for J.-P. Köster on the occasion of his 60th birthday. Ed. by A. Braun, H.R. Masthoff. — Wiesbaden; Stuttgart, 2002.
75. *Potapowa R.K.* Zur Kategorität der Wahrnehmung der gesprochenen Fremdsprache (linguistische, para- u. extralinguistische Aspekte) // Konf. «Sprechsprachliche Kommunikation: Probleme, Konflikte, Störungen» — Halle, 2002.
76. *Smalley W.A.* Phonemic rhythm in Comanche // International Journal of American Linguistics 19. — 1953.
77. *Springer A.* Pathologie der geschlechtlichen Identität, Transsexualismus und Homosexualität. — Wien; New York, 1981.
78. *Stock E.* Untersuchungen zu Form, Bedeutung und Funktion der Intonation im Deutschen. — Berlin, 1980.
79. *Trojan F.* Der Ausdruck der Sprechstimme. — Wien; Düsseldorf, 1952.
80. *Uldall E.* Attitudinal meanings conveyed by intonation contours // Language and speech. — 1960. V.3.
81. *Wardhaugh R.* An introduction to sociolinguistics. — Oxford, 1986.

Сведения об авторе:

Потапов Всеволод Викторович,

доктор филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории обеспеченного компьютером обучения центра новых технологий в гуманитарном образовании филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Область научных интересов: славянское языкознание, компаративистика, теоретическая и прикладная лингвистика.